

литературный паноптикум

опять Маринина

или Комплекс неполноценности

Новая газ. — 2002 — 26
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ сентябрь 2002

Александра Маринина устала от детективов. Точнее, устала быть автором детективов и только детективов. Кризис жанра, одним словом. Ей хочется большего. Хочется быть просто писателем, но Писателем с большой буквы. Хочется убедить аудиторию в своей серьезности и интеллигентности. Я, честно говоря, в этом и не сомневаюсь. Более того, абсолютно уверен: Александра Маринина — вполне серьезный и интеллигентный человек с юридическим образованием.

Но дело не в этом. Вот уже второй год издательство «ЭКСМО-Пресс», разворачивая рекламную кампанию в связи с выходом очередной марининской новинки, выпускает, так сказать, «пресс-тираж» экземпляров в пятьсот. В прошлом году это была мемуарная эпопея «Тот, кто знает». В этом — роман «Фантом памяти». И в обоих случаях издатели уверяли публику: «Такой Марининой вы еще не читали». Мол, на сей раз писательница создала вещь серьезную, философскую, почти судьбоносную.

Впрочем, тот, кто хотя бы отчасти знал творчество Марининой, ничего особенно нового ни в том, ни в другом произведении не обнаружил. Претензия — да, претензия заметна, но не более того.

Мемуарная эпопея впечатляла размерами, почти толстовским размахом. Московская жизнь последних десятилетий, художественно преображенная в семейной хронике, претензия на документализм, обилие персонажей, дела писательские, телевизионные и кинематографические, карьера, успех и довольно запутанная интрига (детективная, разумеется).

«Фантом памяти», напротив того, вещь явно искусственная, придуманная, литературная, откровенно сконструированная. Писатель Корин (известный и популярный, конечно же) попал в автомобильную катастрофу. В результате из его памяти исчезли два года прожитой жизни. События этих двух лет он и пытается восстановить.

Роман развивается в трех направлениях. Первое — психоаналитическое: выясняется, что герой совершил неблаговидный поступок по отношению к своему другу, поэтому подсознательно вообще не хочет об этом вспоминать. Второе — собственно писательское: пока идет процесс восстановления памяти, писатель сочиняет некое философское произведение (этакая смесь раннего Горького и позднего Тургенева, то есть стихи в прозе), абсолютно не похожее на детективы, которыми он снискал себе популярность. Наконец, третье — детективное. Оказывается, некие злостные круги в МВД хотят опубликовать дезинформационные сведения, для чего и намерены воспользоваться талантом и популярностью Корина. Кроме того, в романе присутствуют любовь, верность и Франкфуртская книжная ярмарка. Такой вот «конструкт», на мотивы «Ловушки для Золушки» Себастьяна Жапризо. Хотя сюжет о потере памяти настолько распространен, что может считаться одним из литературных архетипов.

Все то, что отличает творчество Александры Марининой — нейтральный, бесцветный стиль, искусственность героев, надуманность эмоций и ситуаций, что проглатывается публикой ради детективности или ради житейской интонации простого, как учебник, повествования, — все это можно без труда найти в прошлогодней эпопее и в романе этого года. Однако вот что забавно.

Во-первых, почти во всех последних произведениях Марининой одним из действующих лиц выступает популярный писатель. То есть очень популярный.

Во-вторых, как бы действие ни строилось, сколь бы разнообразны ни были сюжетные изгибы и извивы, всегда каким-нибудь боком вылезает детектив. Как правило, в качестве средства разрешения ситуации, распутывания сюжетных узлов. Почти по анекдоту — «как ни собираю, все пулемет получается».

Если последнее свойство марининских текстов ни о чем другом не свидетельствует кроме того, что она просто привыкла так писать, то первое довольно симптоматично. Такое впечатление, что у Марининой какой-то странный комплекс неполноценности. Как будто она стесняется популярности,работанной на детективах, хочет от детективности отделаться, хочет убедить аудиторию, что ей на самом деле есть много чего сказать. Этот комплекс неполноценности объясняет обиду на журналистов и критиков, некоторую раздраженность в беседах и интервью. Он становится частью имиджа, частью писательской стратегии. Вот это и удивляет более всего.

Вряд ли будет иметь успех самоутверждение на публике — то есть в глазах той не массовой аудитории, которую и хочет завоевать писательница, — за счет комплекса неполноценности. Ну, судите сами, красиво ли звучит такая формула: Александра Маринина пишет популярные детективы, считает себя серьезным и глубоким писателем и обижается на критиков, которые называют ее весьма посредственным автором.

Прямо скажем, слабенький миф, серьезная ошибка в писательской стратегии, большой изъян в имидже. Миф должен быть привлекательным, сильным. Или милым. Почему бы, скажем, не быть просто интеллигентной дамой в очках, которая снисходительно относится к своей популярности, не стремится всех убедить в своем незаурядном литературном таланте, удивляет журналистов изысканной просодией, манерами и приятной благожелательностью и при этом о преступлениях и преступниках знает все?

И потом — зачем же публику обижать? Зачем второй год подряд всей рекламно-издательской кампанией заявлять: детективы — это так, проба пера, а вот сейчас вы наконец прочтете мое настоящее, глубокое, философское, даже отчасти религиозное...

Путаница выходит. Поскольку нельзя же все время говорить: вы меня неправильно поняли, и это самое «неправильно поняли» делать основой имиджа. На самом деле — поняли. И поняли правильно.